

украшены рельефными или резными изображениями эротов, танцовщиц, воина, сцен охот, рыбной ловли, растительным орнаментом. Довольно много предметов бытового назначения: пряслицы, стили, булавки и амулеты в виде стилизованных женских фигурок или лиц. Из памятников резьбы по дереву выделяю: деревянное панно с рельефным изображением нильского пейзажа и ниломера (IV в.); подголовник с инкрустацией; футляр в форме цилиндра для красок; блюдо в виде полукруга, украшенное с лицевой стороны резьбою (IX в.). Было выставлено несколько стеклянных сосудов для благовоний и мазей, кожаная туфля с ажурным украшением из золоченной кожи, кожаный пояс с тесненым рисунком, детская сандалия, плетеная из травы, детский шерстяной носочек. Из произведений живописи были выставлены все восемь хранящихся в Эрмитаже фаянсовых портретов (I–II вв.) и створка триптиха VI–VII в. с живописным изображением одного из Диоскуров.

Около трети представленных на выставке памятников экспонировалось впервые, некоторые из них были передатированы, а другие были истолкованы по-иному. Уже одно это обуславливало настоятельную необходимость снабдить выставку каталогом (что в последнее время стало вроде бы доброй традицией в деятельности Эрмитажа). К сожалению, из-за нехватки средств подготовленный задолго до открытия выставки научный каталог издан не был. Издательство Эрмитажа “отважилось” только на издание буклета крохотным тиражом. Выставка имела широкий общественный резонанс. Информация о ней прошла по петербургскому и российскому телевидению и радио, ряд газет (в их числе и издающаяся в Париже “Русская мысль” – № 4305, 17–23 февраля 2000 г.) поместил посвященные ей статьи и заметки. По данным музейного Центра социологических исследований, это была одна из самых посещаемых временных выставок в Эрмитаже; среди посетителей преобладала молодежь. Проведено было более ста экскурсий и разного рода консультаций. Об интересе к выставке свидетельствуют многочисленные записи в Книге отзывов. В записях отмечался высокий профессионализм в оформлении экспозиции (заслуга группы художников-дизайнеров во главе с О.В. Сокруто), выражались недоумения по поводу отсутствия каталога и сетования на краткость экспликаций, высказывались настойчивые пожелания о сохранении выставки в качестве постоянной экспозиции. Актуальность последнего пожелания очевидна. Несколько поколений петербуржцев и гости города, посещающие Эрмитаж, даже не догадывались о существовании в Эрмитаже одного из лучших в мире собраний памятников египтян-христиан. Постоянная экспозиция коптского искусства явилась бы логичным звеном в многотысячелетней истории Египта, заполняющим лакуну между выставками древнего Египта и Египта арабской эпохи.

А.Я. Каковкин

О НАУЧНЫХ РАЗРАБОТКАХ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ ЗА 1996–2001 гг.

В 1996–2001 гг. активно работали молодые византинисты, группирующиеся вокруг кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета имени А.М. Горького (зав. кафедрой – д.и.н. проф. М.А. Поляковская) – к.и.н., доцент кафедры А.С. Мохов, к.и.н., ассистент Т.В. Куш, к.и.н. С.В. Красиков, к.и.н. Л.С. Ряшко, О.Е. Колотова, Л.Ю. Лобова-Костогрызова, Д.И. Макаров, К.И. Лобовикова (Морозова), Н.Г. Пашкин, Е.А. Серен, О.С. Коскина, Э.Н. Хрущева. Для этих исследователей характерно обращение к проблемам духовной и культурной истории Византии, истории интеллектуальной жизни и Церкви, а также к историографии.

В работах А.С. Мохова немалое внимание уделяется проблемам военной истории Византии и проблемам феменной организации империи в XI–XII вв. В статье “Командный состав византийской армии в правление Константина VIII” (АДСВ. 1997. Т. 28. С. 19–33) Мохов дает свой ответ на вопрос о том, почему после смерти Василия II Болгаробойцы

“византийская армия оказалась в состоянии кризиса и не сумела выполнить задачу обороны границ империи” (с. 19), более того, была втянута во внутривизантийскую борьбу. Он считает, что произведенная в 1025–1028 гг. смена высшего командования вкупе с усилением налогового гнета пагубно сказалась “на экономическом положении стратиотов” и означала “фактический отказ от политики Василия II, направленной на сохранение фемных стратиотских ополчений в составе византийской армии” (с. 25–26). В работе “Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргира (1028–1034)” (АДСВ. 2000. Т. 31. С. 173–197) Мохов анализирует наступательную внешнюю политику империи тех лет, обращая особое внимание на сирийскую кампанию 1030 г. Эта кампания, по его словам, “в очередной раз доказала преимущество регулярных войск перед фемным ополчением” (с. 183). И хотя этот поход оказался для византийцев неудачным, к 1034 г. успехи на южном (итальянском) и юго-восточном (палестинском) направлениях были налицо. “Успех был достигнут после возврата к традиционной военной политике Василия II, испытанной временем стратегией и тактике обороны границ и ведения наступательных операций” (с. 194). Мохову принадлежат также работы по административной структуре и просопографии высших военных чинов Византийской империи (Василий Апокап) во второй половине X – первой половине XI в. (Командный состав византийской армии во второй половине X в. // Византия: кумуляция и трансляция культур. Екатеринбург, 1997. С. 59–61; К проблеме формирования и функционирования фемной системы Византийской империи в 20–30-х годах XI в.: Балканский полуостров // История Византии и византийская археология. Тезисы докладов X научных Сюзюмовских чтений... Екатеринбург, 1998. С. 34–36; К административной структуре Византийской империи на Дунае в период войны с узлами (1064–1065 гг.) // АДСВ. 1999. Т. 30. С. 158–168). В настоящее время он завершает работу над обобщающей монографией.

Проблемы поздневизантийской культуры и интеллектуальности, рассмотренные которых сопряжено с анализом таких феноменов, как ученая дружба, корпоративные связи в среде византийских интеллектуалов и отношения их с властью, а также интеллектуальная и духовная полемика (исихастские споры продолжают оставаться в центре внимания), поднимают в своих статьях и тезисах Т.В. Куц, С.В. Красиков, Л.С. Ряшко, Л.Ю. Лобова-Костогрызова, Д.И. Макаров, К.И. Лобовикова, Некоторые аспекты церковной истории затрагиваются в печатных выступлениях Н.Г. Пашкина, О.С. Коскиной, Д.И. Макарова. Военной истории средневизантийского периода уделяет внимание Е.А. Серен, рассматривающий как эволюцию вооружения, так и конкретные военные события той поры (Эволюция вооружения норманнов на византийской службе (середина X – конец XI в.) // История Византии и византийская археология... С. 32–33; Битва при Диррахии – ключ к Балканской операции норманнов против Византии (18 октября 1081 г.) // АДСВ. Т. 30. С. 169–175). Проблемы медитерранистики на конкретном примере анализа пиратства у византийских берегов в XIV–XV вв. рассматривает О.Е. Колотова (Основные этапы пиратства в Эгейском море (1204–1453 гг.) // Россия в контексте мировой истории. Екатеринбург, 1996. С. 53–54; О социальном происхождении пиратов Эгейды (1261–1453 гг.) // История Византии и византийская археология... С. 44–45; Пиратство ордена госпитальеров в Восточном Средиземноморье (1291–1522 гг.) // АДСВ. Т. 30. С. 223–233; Нападения пиратов на византийские монастыри и православных священнослужителей во второй половине XIII – первой половине XV в. // История Церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 260–263; Защита венецианских торговых судов и колониальных владений от пиратов (на примере Эгейды XIII–XV вв.) // Орел шестого легиона. Вып. 2. Екатеринбург, 2000. С. 41–43; Родосское пиратство как один из аспектов взаимоотношений Ордена госпитальеров и Венеции в XIV–XV вв. // Вера и Церковь в Средние века и раннее Новое время (Западная Европа и Византия). М., 2001. С. 45–48). В работах Колотовой прослеживается тенденция к систематизации и осмыслению разнородного фактического материала.

Некоторое внимание к просопографии поздневизантийских знатных родов наблюдается в тезисах Т.А. Михеевой (Синадины в поздневизантийское время // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. СПб., 1999. С. 26–28; Петралифы; роль в Византийской империи // Проблемы истории и культуры средневекового общества СПб., 2000. С. 14–15; Семья Асанов: ее значение в палеологовской Византии // Орел шестого

легиона. С. 48–51). Внимание привлекают глубокие историографические экскурсы Э.Н. Хрущевой, посвященные жизни и научному творчеству А.П. Каждана (Концепция перемен в византийской истории по трудам А.П. Каждана. К 75-летию со дня рождения ученого // АДСВ. Т. 28. С. 4–18 (ценная статья, фактически оказавшаяся некрологом. – Д.М.) и М.Я. Сюзюмова (Проблема истоков и эволюции византийского государства в трудах М.Я. Сюзюмова // Орел шестого легиона. С. 54–57); следует отметить также историографический экскурс Д.И. Макарова в историю изучения паламизма в дореволюционной, советской и постсоветской России (Очерки российской историографии паламизма (1860–1998 гг.) // АДСВ. Т. 30. С. 338–353). Ввиду продолжающегося бурного изучения темы некоторые сведения, приводимые в последней части, нуждаются в дополнении. Однако предложенная автором типология исследовательских течений последних лет, думается, в целом адекватно отражает существующую картину.

Остановимся на магистральном русле исследований, проводимых молодыми византистами уральской школы. Т.В. Куц изучает различные аспекты стиля жизни и мироощущения византийских гуманистов за последние 70–80 лет существования империи: феномен “ученой дружбы”, являвшийся одной из скреп корпоративности в среде интеллектуальной элиты, и его характеристики, близкие итальянскому Ренессансу (Ренессансные основы феномена “ученой дружбы” в поздней Византии // Византия: кумуляция и трансляция культур. С. 31–34); “театры” и иные формы общения, специфичные для византийских гуманистов – здесь исследовательница опирается на богатую научную традицию (Г. Хунгер, Ф. Тиннефельд, Дж. Деннис, И.П. Медведев, Я.Н. Любарский и др.). Эти изыскания ведутся как в генерализующем (Формы интеллектуального общения в Византии в XIV в. // Россия в контексте мировой истории. С. 63–64; Византийский Театрон (THEATRON) конца XIV–XV в.: некоторые наблюдения // АДСВ. Т. 31. С. 323–329), так и в персоналогическом (Византийский ученый Мануил Хрисолора в письмах своих современников // АДСВ. Т. 30. С. 308–318) аспектах. Выделение общих черт “гуманистического стиля жизни” (Византийские ученые в Италии. К вопросу об интеллектуальных связях Византии и Запада // АДСВ. Т. 28. С. 116–128, здесь с. 125) – как в аспекте его общего сближения с аналогичным феноменом, известным из истории итальянского Ренессанса, так и в плане анализа некоторых его частных проявлений (Поздневизантийские интеллектуалы на дипломатической службе // История Византии и византийская археология... С. 42–43) – ведет Куц к созданию обобщающей модели рассматриваемого явления, созданной при помощи просопографических методов (Византийская интеллектуальная среда (конец XIV–XV в.). Опыт характеристики // АДСВ. 1998. Т. 29. С. 122–138). Хронологические рамки анализа – 1371–1453 гг. (с. 123). Путем построения анкеты, включившей в себя данные о 150 лицах, и обработки собранного материала выделены некоторые общие показатели, характеризующие элиту. Так, средняя продолжительность жизни интеллектуала составляла, по данным Куц, 72 года (с. 125); из 150 человек лишь 25 вступили в брак, в том числе Мануил Хрисолора (с. 126); примечателен и тот факт, что “в данный период нарастает тенденция пополнения интеллектуальной элиты выходцами из провинций” (с. 127) и т.д. Работа Куц отвечает магистральным потребностям современного исторического знания в комплексном и непредвзятом изучении тенденций микро- и макрозволюции всех слоев человеческих общностей, а не только представителей верхушки. В настоящее время автор работает над монографией.

Для работ С.В. Красикова характерно обращение к интеллектуальной составляющей богословских дебатов 30–50-х годов XIV в., так или иначе связанных с исихастскими спорами. Это и полемика св. Николая Кавасилы с Никифором Григорой в 1355 г. по ряду философских вопросов (примечателен бросаемый Кавасилой в адрес оппонента упрек в астрологии, см.: Идейная полемика в Византии 50-х годов XIV в.: Николай Кавасила и Никифор Григора // АДСВ. Т. 28. С. 93–103 и 104–109 – приложен перевод памфлета Кавасилы “Слово против нелепостей Григоры”, русский язык которого несколько хромает), и начальные этапы спора св. Григория Паламы с Варлаамом (Первое письмо Варлаама Калабрийского к Григорию Паламе // История Византии и византийская археология... С. 49–50), а также с Акиндином (Политический подтекст Первого письма Григория Паламы Григорию Акиндину // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 18–19 – автор приходит к выводу, что речь идет “о столкновении элит”, хотя в то же

время признает, что Варлаам, в конце концов, оказался в одиночестве, ибо от него отмежевались все). Внимание Красикова привлечено к методам интеллектуальной полемики византийцев с латинянами в 1334–1336 гг., когда в Константинополе велись с участием папских легатов переговоры об унии церквей, не увенчавшиеся успехом из-за разногласий в вопросе о *Filioque* (К вопросу об идейной полемике с латинянами в Византии в 30-х гг. XIV в. // АДСВ. Т. 30. С. 271–287; Спор о силлогизмах в византийской антилатинской полемике 1334–1336 гг. // Вера и Церковь... С. 28–30). Следуя в русле выводов Р.Э. Синкевича, автор стремится нащупать корни рассматриваемых им явлений в духовной истории Византии предшествующих столетий, а также провести некоторые аналогии с развитием западноевропейской теологии, но, думается, следовало бы скорее сосредоточить взор на непосредственных предпосылках исихастских споров и их ближайших последствиях (полемика св. Каллиста Ангеликуда с томизмом и в то же время его усвоение св. Нилом Кавасилой и Феофаном Никейским представляет собой любопытное доказательство неомогенности развития византийского богословия в палеологовскую пору). И уж если утверждать, что спор Паламы с Варлаамом в первом письме был “первой в духовной истории Византии попыткой философского творчества” (АДСВ. Т. 30. С. 285) – а сколько вопросов возникает при такой расстановке акцентов! – то как совместить этот вывод с другим утверждением в конце статьи – “об истинных мотивах автора письма (т.е. Паламы. – Д.М.) можно только догадываться (с. 287)? И источники, и исследовательская традиция (тот же Мейендорф) дают вполне четкий ответ на этот счет. Если же пытаться устанавливать духовную генеалогию Варлаама, то следует обращаться не к Клименту Александрийскому, а к более близким ему по времени и созвучным по устремлениям представителям той традиции “гуманистического богословия”, о которой говорил, например, на Двенадцатом международном конгрессе по византиноведению Г. Подскальски (ср. его же доклад на Пятнадцатом конгрессе в Афинах в 1976 г.). Иначе, при менее строгих критериях и подходах, историко-философская доказательность вовсе утрачивается, заменяясь более или менее вероятными предположениями.

В работах Красикова встречаются и другие чересчур поспешные выводы и обобщения, например: “Риторика в византийской теологии торжествует над логикой” (Византийское мышление в теологии: отказ от логики? (антилатинская полемика 30-х гг. XIV в.) // Орел шестого легиона. С. 44). Как тогда быть хотя бы с изучаемой автором полемикой о *Filioque*, в которой усилиями таких богословов, как патриарх Фотий, Никифор Влеммид, Григорий Кипрский, Марк Эфесский и десятки других, была выработана сложнейшая система категориального опровержения латинян шаг за шагом, в том числе и с использованием силлогизмов (чего стоят одни “Силлогические главы против ереси латинян” св. Марка Эфесского!). Ряд выводов банален, будучи к тому же сформулирован в невразумительной форме, как, например: “Итак, стремление к многознанию было в Византии не столько личным выбором отдельного интеллектуала... сколько элементом культуры, обусловленным существующей системой ценностей (получается, что образование человека происходило без личного выбора и помимо сознания учащегося?) – Д.М.). Однако эта обусловленность вовсе не исключала рефлексии на самих себя (т.е. о самих себе? – Д.М.)” (Византийское мышление: эрудиция против креативности? // АДСВ. Т. 31. С. 266–283, здесь с. 276). Тут на помощь автору могут прийти такие труды, как “История автобиографии” Г. Миша, статьи и исследования Дж. Мунитиса, Я.Н. Любарского и других, показывающие, что едва ли не во все эпохи византийской истории сохранялось стремление интеллектуалов мыслить и рефлексировать о себе...

В работах Красикова чувствуется стремление противопоставить св. Григория Паламу предшествующей святоотеческой традиции. Это становится ясным, когда автор утверждает: “Очевидно, что мышление Паламы в этом вопросе (о познании Бога. – Д.М.) более проникнуто аристотелизмом, чем патристическая традиция” (Аподиктический силлогизм как метод катафатического богословия у Григория Паламы и Никифора Григоры // *Verbum*. Вып. 3. Византийское богословие и традиции религиозно-философской мысли в СПб., 2000. С. 218–224, здесь с. 223). Но ведь понятия “энергия”, “ипостась”, “фюсис” – аристотелевского происхождения...

Думается, причин подобного рода заблуждений две. Первая: будучи специалистом по одному автору (Никифор Григора) и по одному сравнительно небольшому отрезку

его деятельности (начальный этап исихастских споров, 1334–1336/1337 гг.), Красиков выстраивает развернутые модели византийской интеллектуальной и духовной культуры за весь период ее истории; но эти модели, будучи оторваны от реальной источниковой базы, представляют собой некие исследовательские гиперабстракции, могущие повести и к заблуждениям... (Из работ Красикова о Григоре нужно, в дополнение к вышеупомянутому, назвать: Изображение идеала чувственного восприятия у Никифора Григоры // Византия: кумуляция и трансляция культур. С. 25–27; Описание Святой Горы у Никифора Григоры и Ratio vivendi византийских интеллектуалов // АДСВ. Т. 29. С. 96–121; *Peira kai empeiria* (в оригинале греч.! – Д.М.) в представлении Никифора Григоры // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 16). Вторая причина – в забвении одного важного принципа: *audiat et altera pars*... Если бы автор подходил к паламитским источникам, не навязывая им собственных идеологем, а стремясь найти в них их собственные ответы на волновавшие эпоху вопросы, градус понимания был бы выше.

В лице Красикова мы имеем дело со специалистом по византийско-латинской полемике в ее нюансах. Однако анализ такого рода не должен затмевать собой тот факт, что нам порой недостает знаний собственно византийского аспекта полемики.

Л.С. Ряшко известна как переводчица и исследовательница сочинений Никифора Влеммида, и в первую очередь “Царской статуи” (перевод см. на с. 283–321). В работах Ряшко мы встречаем анализ различных сторон мирозерцания Влеммида, в основном на материале названного трактата (Императорская справедливость в интерпретации Никифора Влеммида: риторика и реальность // АДСВ. Т. 28. С. 67–71; “Дружба” и “семья” в представлении Никифора Влеммида // История Византии и византийская археология... С. 39–41; О библейских сюжетах в трактате Никифора Влеммида “Царская статуя” // АДСВ. Т. 30. С. 216–222; Интерпретация исторического материала в трактате Никифора Влеммида “Царская статуя” // АДСВ. Т. 31. С. 222–232; О влиянии античного наследия на творчество Никифора Влеммида (“Царская статуя”) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 13–14; Характер рецепции Никифором Влеммидом античного наследия (“Царская статуя”) // Орел шестого легиона. С. 53–54).

В публикациях Л.Ю. Лобовой-Костогрызовой проясняются некоторые аспекты мирозерцания св. патриарха Афанасия I (1289–1293, 1303–1310) (Состояние византийской Церкви конца XIII – начала XIV в. в восприятии патриарха Афанасия I // АДСВ. Т. 28. С. 34–48), а также св. Феополита Филадельфийского, в бытность последнего духовником Ирины-Евлогии Хумнены; освещаются и непростые проблемы взаимоотношений Ирины и Феополита (Эпистолярное наследие Ирины-Евлогии Хумнены // История Византии и византийская археология... С. 46–48; Духовное наставничество в Византии: Феополит Филадельфийский и Ирина-Евлогия Хумнена // Мир Православия. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 46–60). Она также уделяет внимание освещению роли Ирины в исихастских спорах, выходя на магистральные проблемы истории и палеологовской Византии (Оценка паламитами и антипаламитами роли Ирины-Евлогии Хумнены в исихастском противоборстве XIV в. // АДСВ. Т. 31. С. 290–296), и истории двойных монастырей в Византии в тот период, поскольку именно в таком монастыре жила Ирина... (Константинопольский монастырь *ton philanthropou Soterou* в первой половине XIV в. // АДСВ. Т. 30. С. 260–270; прилагается перевод (не всегда надежный) типика монастыря, составленного Хумненой, с. 269–270; Двойные монастыри в Византии // История Церкви: изучение и преподавание. С. 274–277). В работе о роли Хумнены в исихастских спорах сообщаются и анализируются интересные подробности организации ею антипаламитского собора в 1342/1344 г., а также другие аспекты проводившейся ею многогранной антипаламитской деятельности. Причиной такой ориентации могла послужить, по словам автора, «преданность дому Палеологов и любовь к “внешней мудрости”» (Оценка... С. 295). Работа о св. Феополите и Ирине примечательна вдумчивым и подробным анализом рекомендаций насчет быта и духовной жизни, которые митрополит посылал своей духовной дочери. В работах Костогрызовой немало ценных наблюдений и выводов, вносящих свою лепту в наше понимание духовных процессов, протекавших в византийском обществе эпохи “багряной осени” Палеологов.

Объектом анализа в работе О.С. Коскиной становятся различные проблемы истории византийского монашества в постиконоборческий период – как общие (Позиция монашества в период иконоборчества // История Византии и византийская археология... С. 25–28; Социальный состав византийского монашества конца XIII – начала XIV в. // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 16–18; *ΦΙΛΙΑ* в контексте образа жизни византийского монашества в начале XIV в. // История Церкви: изучение и преподавание. С. 278–286; Идеал монашества – киновия и анахоретство // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 9–10), так и частные, например, проблема восстановления черт характера и реконструкции исторической роли конкретной личности по описанию единственного источника; задача разрешена Коскиной вполне успешно (Игумен Хорского монастыря Лука // АДСВ. Т. 30. С. 253–259; ср.: *Любарский Я.Н.* Византийский монах XI века Илья // АДСВ. 1973. Т. 10). Коскина считает, что в начале XIV в. в политике Константинопольской патриархии нельзя было увидеть единства курса, но, похоже, склонна объяснять это лишь личными качествами патриархов (Социальный состав... С. 17); думается, следовало бы уделить больше внимания кардинальной важности историческим событиям, имевшим место в рассматриваемый период – Лионской унии и расколу арсенитов...

Св. Григорию Паламе, который и в последнее время остается одним из наиболее исследуемых и цитируемых Отцов Церкви, посвящен ряд работ Д.И. Макарова, в которых взгляды учителя безмолвия анализируются (преимущественно на материале ранее пренебрегавшихся источников, например, гомилий и трактата “Три главы о молитве и чистоте сердца”) как в традиционных (антропология, учение о Свете Фаворском и о Преображении), так и в новых аспектах (космология, физиология, оценка народной культуры и городской среды). Для работ Макарова характерно стремление вписывать творения св. Григория Паламы в контекст святоотеческой мысли, открывая в то же время новые грани в самом этом контексте; интересны его наблюдения о взаимодействии гомилетической традиции на праздник Преображения с мистикой синайского и афонского исихазма, среди видных представителей которой и авторы наиболее прославленных гомилий на Преображение (преп. Анастасий Синаит, св. Андрей Критский)... Основные работы: Антропология Григория Паламы и ее след в русской мысли: к проблеме византийско-русских культурных связей // Россия в контексте мировой истории. С. 72–74; Проблема человека в мировоззрении Григория Паламы // АДСВ. Т. 28. С. 79–92; Основные этапы развития византийской гомиластики (К вопросу о периодизации жанра) // История Византии и византийская археология... С. 79–81; Народная культура глазами Церкви: Григорий Белгородский и Григорий Палама о винопитии // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература. Нижний Новгород, 1998. С. 22–24; Создание и организация мироздания в интерпретации Григория Паламы (по материалам Шестой гомилии) // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград. Вып. 2. С. 97–108; Отражение социальной структуры населения Фессалоники после восстания зилотов в гомилиях Григория Паламы // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 25–26; Тема Преображения в византийской гомиластике V–XIV вв. (Христологические предпосылки учения об обожении) // История Церкви: изучение и преподавание. С. 292–295; Об истоках физиологических взглядов св. Григория Паламы (на материале Двенадцатой гомилии): к проблеме существования галеновской традиции в поздней Византии // Орел шестого легиона. С. 46–48; Место 34 и 35 гомилий св. Григория Паламы в истории византийской гомиластики на Преображение (III–XIV вв.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 66–68; Место антропологических идей св. Григория Паламы в контексте византийской гомиластики на праздник Преображения (VII–XIV вв.) и в традиции афонского исихазма // *Verbum*. Вып. 3. Византийское богословие... С. 224–249; Учение Григория Паламы об очищении человека (по трактату “Три главы о молитве и чистоте сердца”) и некоторые параллели в поздневизантийской мистике // Мир Православия. Вып. 3. С. 61–72; К вопросу о нумерологии св. Григория Паламы // Средневековое общество в социально-политическом и культурном аспекте. СПб., 2001. С. 72–73; Исихастские мотивы в гомилиях св. Григория Паламы // Вера и Церковь... С. 24–25.

Макарову также принадлежит краткий комментарий к одному из трактатов св. Каллиста Ангеликуда (Из истории византийской философии XIV в. (Об определении термина “философия” в “Четырех исихастских трактатах” св. Каллиста Ангеликуда) // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2000. С. 50–52) и очерк истории изучения идей св. Григория Паламы в России (см. выше). В печати находятся еще несколько работ автора, во многом посвященные тем же проблемам.

Не обходят вниманием в уральской школе и антипаламитов. Григорию Акиндину и киприоту Георгию Лапифу, о котором после статьи Цолакиса (1964 г.) практически ничего не писалось, тогда как фигура этого антипаламита заслуживает всяческого внимания, посвящены статьи и тезисы К.И. Лобовиковой (Морозовой). В статье “Григорий Акиндин: диалог с колеблющимся” (АДСВ. Т. 30. С. 303–307) автор приходит к выводу о том, что “первый диалог” Акиндина с колеблющимся (между паламитами и антипаламитами) был “его диалогом с самим собой” (с. 307), возникшим из желания определить собственную позицию в споре сторон. Акиндину посвящено еще несколько работ Лобовиковой, в которых затрагиваются наиболее жгучие и актуальные вопросы, связанные с именем этого деятеля, как, например, оценка им деятельности паламитов (Св. Григорий Палама и его сторонники в письмах Григория Акиндина // Средневековое общество в социально-политическом и культурном аспекте. С. 74–75; см. также: Четвертое письмо Григория Акиндина к Варлааму // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 20–23 (подчеркиваются такие черты характера Акиндина, как открытость и способность вступить в диалог с другом); Григорий Акиндин и патриарх Иоанн XIV Калекса // История Церкви: изучение и преподавание. С. 296–301; о Лапифе см.: Еще раз о роли Георгия Лапифа в исихастской дискуссии // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 17–18). Наконец, крайне интересен и заслуживает всяческого продолжения опыт Лобовиковой по реконструкции антипаламитских библиотек и всего свода содержащейся в них литературы, в основном опять-таки с опорой на письма Григория Акиндина (Неизвестные антипаламитские трактаты // Verbum. Вып. 3... С. 254–257).

Н.Г. Пашкин занимается историей Констанцкого и Базельского соборов в свете византийско-венецианских отношений в первой половине XV в. (К вопросу о развитии византийско-венецианских отношений в первой половине XV в. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. С. 36–37) и феномена “конциляризма”, явившегося одной из важнейших составляющих взаимоотношений Византии с католическим Западом в последние десятилетия существования империи Палеологов (Византия и соборное движение в Европе первой половины XV в. // АДСВ. Т. 28. С. 110–115; Император Сигизмунд, Византия и Констанцкий собор // Эпоха Средневековья: проблемы истории и культуры. С. 65–66). Общий вывод звучит в унисон с Мейендорфом и другими учеными, которые занимались изучением печально известной Флорентийской унии: “Конциляризм не стал основой для политического и культурного сближения Византии и Запада” (Византия и соборное движение... С. 114). Большинство жителей империи предпочитало любой помощи с Запада сохранение традиционного Православия.

Подводя итоги нашему обзору работ молодых византинистов уральской школы, следует отметить, что при пестроте и разнообразии поднимаемых тем четко выделяется главный интерес – изучение духовных, культурных и интеллектуальных традиций Византии, ее духа, менталитета и стиля жизни в контексте происходивших в XIV–XV вв. и, видимо, становившихся все более необратимыми экономических, политических, социальных и – шире – цивилизационных изменений как внутри самой Византии, так и в ее взаимоотношениях с соседями. Именно эти традиции, которые, несмотря ни на что, смогли выжить и сохраниться до наших дней, наиболее дороги нам в Византии сегодня.

Д.И. Макаров